

АЛЕВТИНА ВАСИЛЬЕВНА КАМИТОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» (Ижевск, Российская Федерация)
akamitova@mail.ru

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ НА УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются первые литературные памятники на удмуртском языке, созданные во времена царствования Екатерины II, Павла I и Александра I, в контексте формирования единого российского духовного пространства и государственных мероприятий. Их написание на шкале хронологического времени относится к последней трети XVIII – первой половине XIX века. Целью исследования является составление объективного представления о начальных этапах формирования удмуртской словесности, определение роли литературных памятников в этом процессе и «процедуре» обретения народом национальной идентичности. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач: сравнительно-сопоставительный анализ стихотворных и прозаических произведений панегирического содержания на удмуртском языке с аналогичными текстами, написанными на языках поволжских народов; выявление используемых авторами приемов поэтики и стихосложения. Новизна работы состоит в привлечении к исследованию малоизученных текстов последней трети XVIII – первой половины XIX века. Литературные произведения, сочиненные учениками Казанской новокрещенской школы и духовной академии, рассматриваются с учетом общероссийских историко-культурных процессов. Небольшие по объему тексты на удмуртском языке расцениваются как «стартовая площадка» в деле совершенствования складывающихся письменно-литературных норм удмуртского языка, развития художественно-выразительных возможностей и как необходимый «фундамент» для последующих литературных опытов.

Ключевые слова: литературный памятник, удмуртский язык, литературные посвящения, жанр, русская литература, перевод

Появление первых памятников письменности и литературы на удмуртском языке было обусловлено историко-культурными и социально-политическими событиями. Они были созданы в то время, когда в стране был запущен механизм созидания единого духовного пространства, когда народы Урало-Поволжского региона находились в процессе вхождения в топос русской культуры и «превращения» в неотъемлемую часть Российского государства.

Самыми древними письменными памятниками, созданными на языках финно-угорских народов, являются тексты на венгерском, древне-пермском, финском и эстонском [1: 18], [11: 24]. Первые литературные сочинения на языках народов Поволжья, созданные во времена царствования Екатерины II, Павла I и Александра I, напрямую были связаны с внедрением просвещеческих идей среди «инородцев». В деле их реализации учебные заведения были одним из «удобных» каналов. Благодаря широко развернувшимся в школах и семинариях XVIII – начала XX века просветительским программам были достигнуты продуктивные результаты в области литературного сочинительства. В этот период учениками Нижегородской духовной семинарии (1721), Казанской новокрещенской школы и духовной академии (1723)¹ были созданы стихотворные и прозаические произведения пан-

тического содержания. В хронологическом аспекте они являются одними из наиболее ранних опубликованных памятников письменности и литературных памятников на языках народов Поволжья. Семинаристами были подготовлены тексты на тех языках, которые, вероятнее всего, преподавались в их учебных заведениях: латинском, греческом, немецком, французском, калмыцком, татарском, удмуртском, мордовском, чувашском, марийском².

Произведения, написанные на заказ, по случаю каких-либо торжественных событий, предназначались для чтения во время встреч с высокопоставленными лицами. Тексты на удмуртском языке были сочинены семинаристами Казанской новокрещенской школы и духовной академии. Существование в академии риторического и птического классов положительно сказалось на филологической подготовке учеников и развитии их гуманитарных данных. В академии «был обычай приносить от лица академии своему преосвященному поздравления в великие господские праздники и особенно в дни тезоименитств архиереев. Задолго до праздника Рождества, или Воскресения Христова, или именин архиерейских принимались заботы о приготовлении стихов и речей на всех языках, какие преподавались в академии. Поздравления произносились наставниками и вместе с учениками не в прозе,

а преимущественно в стихах, которые переписывались аккуратно, переплетались в папку с золотым обрезом и представлялись преосвященным³.

На сегодняшний день известны следующие тексты, сочиненные удмуртскими учениками: четверостишие в честь Екатерины II (1767), стихотворение в десять строк, написанное в честь открытия Казанского наместничества (1781), и торжественная речь по случаю коронации Александра I (1801). Перечисленные стихотворения стали доступны широкому кругу читателей благодаря публикациям Н. И. Ильминского и Д. А. Корсакова⁴, которые послужили отправной точкой для последующих исследовательских опытов. Памятники письменности и литературы становятся объектом полноценного научного рассмотрения отечественных и зарубежных ученых во второй половине XX века. Т. И. Тепляшиной, П. Домошем, В. М. Ванюшевым предпринята смысловая реконструкция текстов, проведен лингвистический (определение диалектной принадлежности и описание некоторых особенностей графики) и литературоведческий (с точки зрения формы, содержания, ритма и рифмы) анализ стихотворений [3], [5: 170–173], [11: 225–229]. О существовании прозаического сочинения первым упомянул исследователь мордовских языков А. П. Феоктистов [14: 64], а сам текст торжественной речи не так давно был введен в научный оборот В. С. Чураковым [15: 374]. Все исследователи сходятся во мнении о том, что рассматриваемые памятники XVIII – начала XIX века являются первыми опытами литературного творчества неизвестных авторов на удмуртском языке. Имеющиеся в них особенности и «несовершенства» ученые объясняют объективными историко-культурными факторами.

Стихи на языках поволжских народов (мариjsком, чувашском, удмуртском, мордовском и татарском), созданные учениками-инородцами в связи с посещением Екатериной II 26 мая 1767 года Казанской новокрещенской школы, были опубликованы в коллективном сборнике «Духовная церемония...» (1769). Как известно, императрица сыграла определяющую роль в судьбе новокрещенских школ. Она собственноручно подписала документы о сохранении этих школ в ответ на возбужденный в 1764 году Сенатом и Синодом вопрос об их расформировании. Во время пребывания в Казани Екатерина II соизволила почтить учеников школ своим вниманием. 30-го числа ее встретили воспитанники, одетые в белое платье и держащие в руках лавровые ветви, пением канта; в самом здании царицу чествовали стихами и речами⁵. В знак благодарности воспитанники в присутствии императрицы продекламировали свои сочинения, написанные на родных языках. Приводим стихи и на удмуртском языке, вошедший в сборник «Духовная церемония...»⁶:

Ма эзъ съоты выцякъ ишизнатонъ милы
Лэстись ма ибыртамъ бадчимъ ми инмарлы
Солы теныдъ тау муми тнамъ верасъко
Уно улны теныдъ инмаръ съотъ курсыко⁷.

Н. И. Ильминский предлагает следующий вариант его прочтения для русскоязычного читателя в прозаическом исполнении: «Все, что ты дала нам заблудшим, сделало то, что мы поклонились великому Богу; за это тебе благодарность, мать наша, говорим. Долго жить тебе Бог дай, просим»⁸. Исследователь Т. И. Тепляшина удмуртский текст переводит следующим образом:

Что дано (нам), целиком безвозмездно (?) ты для нас
Создала, за что поклонимся великому богу,
Поэтому тебе спасибо, матушка моя, говорю,
Много жить тебе бог дай прошу [11: 225].

Приветственное слово Екатерине II на удмуртском языке представляет собой рифмованное четверостишие, автор которого на сегодняшний день не установлен. Произведение организовано в соответствии с требованиями построения стихотворной речи, что свидетельствует о поэтическом мастерстве составителя. Одновременно оформление текста в виде строфической организации было новационным приемом для удмуртской словесности данной эпохи. Стих состоит из двенадцати слогов и скреплен парными рифмами в двустишии.

В приветственных стихах на марийском, чувашском, удмуртском, мордовском и татарском языках обнаруживаются различия и сходства относительно формы и содержания. Обращает на себя внимание принцип строфической организации стихов. Так, тексты «По черемиски» и «По вотски» написаны четверостишием, отличие составляет графическое оформление. Текст «По чувашски»⁹ опирается на шестистиховую композицию строфы, написан в формеalexандрийского стиха – из шести шестистопных ямбических строк [8: 99]. Стихи на удмуртском и чувашском языках выделяются графическим оформлением в виде увеличенного абзацного отступа четной строфы. Марийский вариант текста построен на принципе симметрии с соблюдением канонической формы стихотворения. В графическом оформлении все строки параллельны друг другу. Для марийского сочинения характерно словесное единоначатие¹⁰. В начале трех стихотворных строк повторяется одно и то же словосочетание, а в последней строке наблюдается повторение звуния. Приветствия «По мордовски»¹¹ и «По татарски» представляют собой прозаический текст, содержание которого, судя по переводам, звучно предыдущим произведениям. Эти образцы А. П. Феоктистов квалифицирует как «стихи в прозе» [14: 174].

Современные исследователи сходятся во мнении, что для рассматриваемых текстов, написанных в XVIII веке на языках народов Поволжья,

характерны скучный образный язык, несогласованность слов, целый набор ошибочных написаний, недостаток знаков препинания [4: 182], [8: 99], [14: 176]. По наблюдениям Н. И. Ильминского, в печатный вариант «инородческих» текстов вкраплялось много опечаток и искажений, поскольку над изданием работали люди, не знавшие язык «инородцев», а удмуртское четырехстишие «страдает нескладностью» и допускает мысль о том, что «не был ли в школе вместо настоящего вотяка русский мальчик, долго живший между вотяками, но не вполне усвоивший инородческий склад речи»¹². Точного ответа, наверное, не найти. Но неоспоримо и ценно то, что стихотворение, посвященное Екатерине II, является одним из первых оригинальных поэтических текстов, написанных на удмуртском языке. Т. И. Тепляшина называет этот текст «первым памятником удмуртской стихотворной речи» [11: 225].

Стихи учеников Казанской новокрещенской школы представляют определенную сложность с точки зрения жанровой идентификации. Несмотря на существующие в национальной исследовательской практике различные жанровые определения данных сочинений, все исследователи обращают внимание на их панегирический характер повествования. Так, например, в приветствии на чувашском языке одни исследователи прослеживают параллель с чувашским молитвословием (*кёлә сামахәсем*)¹³ [10: 46], [13: 9], другие причисляют стихотворение к жанру панегирика, написанного обычным для того времени высокопарным стилем¹⁴. Нельзя не заметить и отрицать сходство всех вышеперечисленных стихов с молитвой. В свою очередь, обращает на себя внимание близость всех сочинений с выраженным в них пафосом, гиперболизацией и устоявшимися формулами, соответствующими хвалебной риторике (выражение жеста уважения, признательности). На основе фактического материала и эмпирических наблюдений можно добавить, что тексты на марийском, чувашском, удмуртском, мордовском языках написаны в жанре литературных посвящений или дедикаций панегирического характера. Подтверждением тому является и надпись, следующая за текстами разнозычных сочинений: «При сём в знак достодолжной благодарности ее Императорскому Величеству поднесена дедикация с такою надписью», в которой говорится о том, что «рифмом сложенный <...> великой Государыне Екатерине Алексеевне Императрице и Самодержице Российской, от всеподданнейших рабов Казанских новокрещенских школ из разных народов собранных учеников, в знак достодолжного благодарения поднесенный»¹⁵.

Другое стихотворение на удмуртском языке («Укъ шеттыски таче зецъ потонъ шумесь...» – «Не нахожу такой доброй радости...») было написано по случаю открытия Казанского наместничества в 1781 году и опубликовано Н. И. Новиковым в 1782 году в сборнике панеги-

рического содержания под названием «Сочинения в прозе и стихах...»¹⁶. Открытие Казанского наместничества проходило в духе литературно-музыкального вечера: «По окончании открытия Казанского наместничества <...> назначено было 26 декабря 1781 года от <...> митрополита Казанского и Свияжского учинить в память сего происшествия торжество в семинарии. После открытия собрания ректором речью на русском языке следовал канту при музыке. Затем следовали пространные от двух студентов речи <...>. После чего читана ода; за сим говорены были юношеством <...> краткие речи в прозе и стихах на разных языках, т. е. на греческом, латинском, немецком, татарском, чувашском, черемисском, мордовском, вотском и калмыцком, коих содержание изъяснено тогда же было другими учениками порознь на российском языке при игрании в перемене оных речей симфоний. Наконец <...> префект заключил речью благодарность к собранию и поздравление о благополучном сего знаменитого происшествия окончании. В заключение сего пет был другой канту при музыкальных орудиях, а между тем <...> митрополит пригласил все собрание в свои покоя <...> и притом петы и играны были нарочно сочиненные канты и концерты; и тем день сей кончился» [14: 176–177].

Вошедшие в «Сочинения в прозе и стихах...» поэтические строки на языках народов Поволжья были созданы казанскими семинаристами. К каждому тексту приложены русские переводы. «Речь по татарски» имеет визуальный облик прозаического текста; «Стихи вотские», «Стихи мордовские», «Стихи чувашские» и «Стихи черемисские» графически разбиты на строки. Все произведения вновь объединены образом Екатерины II.

Вариант на удмуртском языке в «Сборнике ...» Д. А. Корсакова представляет собой десятистрочное стихотворение:

Укъ шеттыски таче зецъ потонъ шумесь
Тасяно виль даурышумъ потысесь
Кутъдырьами уань даженыхъ воз(ъ)матыс(ъ)комъ
Инмаръ ужесь милямъ Эисей анайльсь ужъяскомъ
Возматыслысь милемлы шонерь Тережъ
Алемъ воцякъ адамлысь кшандыресъ
Кудысь понна митаче шумъ адзиса
Въ еяс(ъ)комъ инмарлы
Сомедъ та сольсь али потысь ужесь юнъматтыса
Ми понна сое воз(ъ)матось зецлы¹⁷.

Анализ данного текста позволяет говорить о том, что его автор обладал поэтической техникой: первые шесть строк построены с учетом смежной рифмовки, а последние четыре строчки – перекрестной. Авторы других текстов также владели азами стихосложения. Шестистрочные «стихи» на мокша-мордовском языке, по наблюдениям А. П. Феоктистова, написаны «без соблюдения размера, но в них обнаруживаются явные следы рифмовки. Так, конец первой строки рифмован с концом третьей: пякъ – анцякъ; вторая строка связана с четвертой парой: ванизьминъ –

видинь; и пятая строка с шестой: атяма – лама» [14: 177]. Рифмовка первых шести строк стихотворения на чувашском языке – смежная, форма текста – александрийская, то есть состоящая из шестистопных ямбов с соседними мужскими рифмами [8: 102]. В восьмистрочном стихотворении на марийском языке прослеживается опора на перекрестную рифмовку.

В удмуртском стихотворении прослеживаются неудачные согласования словосочетаний в предложении, искаженные формы слов, отсутствие знаков препинания. Подобные погрешности засвидетельствованы исследователями и в других текстах, написанных на языках народов Поволжья. Так, по утверждению Г. И. Комиссарова, стих на чувашском языке – «это очень неудачное творение», «в печатный текст стихотворения вкрались и типографские ошибки, искажавшие чувашские слова» [8: 101]. В мокша-мордовском тексте, по констатации А. П. Феоктистова, «допущено большое количество ошибок, затрудняющих местами чтение этого первого в истории мордовской литературы стихотворного отрывка» [14: 177]. В результате таких неточностей тексты для современного читателя неудобочитаемы и непонятны. Разного рода искажения могли быть результатом типографских или корректорских опечаток; могли возникнуть в силу того, что тексты были сочинены лицами, владевшими языком нерусских народов в несовершенстве; ввиду того, что отсутствовала система правописания.

Сличая переводы этих стихотворений на другие языки, В. М. Ванюшев устанавливает, что «тема и тональность в них одинаковы, но образное решение различно» [3: 33]. В «Сборнике...» Д. А. Корсакова также высказано мнение о заключенной в текстах общей идее [14: 156]. Г. И. Комиссаров, сравнивая поэтические варианты на чувашском и русском языках, приходит к выводу, «что русский текст является не столько переводом, сколько оригиналом», при котором переводчик на чувашский язык заботился «не столько о точности передачи и правильности речи, сколько о получении формы стихотворения» [8: 101–102]. Преподавание поэтики и риторики в казанских учебных заведениях не могло не сказаться на художественных практиках воспитанников. При написании панегирических речей для встречи Екатерины II казанские семинаристы воспользовались советом учителей представить ее в образных определениях «Минервы, богини, образа Божьего»¹⁸. Воссозданный в стихах на удмуртском языке образ царицы-матери (*муми, Эсей анай*) глубоко символичен. Известно, что императрица «любила уверять подданных в своей “материнской любви”» [7: 41]. Этот образ был заимствован панегирической литературой, который реализовался и в приветственных сочинениях.

Рассматриваемые тексты, сочиненные в последней трети XVIII века на национальных язы-

ках, созданы с ориентацией на панегирические традиции русской литературы, которые, в свою очередь, были привиты в русскую культуру из опыта европейской филологии. Стихи в честь Екатерины II и в честь открытия Казанского наместничества – это первые опыты авторского стихосложения на удмуртском языке в популярном для данной эпохи жанре литературных посвящений.

Наступление XIX столетия ознаменовалось в России торжествами по случаю коронации императора Александра I. Соответственно, культурно-исторический контекст эпохи отразился и на литературном творчестве учеников Казанской духовной семинарии, а зачатки панегирических традиций получили свое дальнейшее развитие. Очередная проба пера неизвестного удмуртского семинариста по случаю коронации Александра I нашла свое воплощение в книге под названием «Жертва всерадостных чувствований...» (1801).

Вошедшие в сборник произведения на языках народов Поволжья, жанровая природа которых определена как «речи», представляют собой небольшие по объему прозаические тексты, дополненные «переводами». Так, «Речь череми́ская» состоит из 10 строк, «Речь чувашская» – из 6 строк, «Речь вотятская» и «Речь мордовская» – из восьми строк. Все тексты (кроме чувашского) начинаются с обращения к Всемилостивейшему Государю. Такая посвятительная формула, в которой указывается «дедикативный адресат» (кому посвящается) и «дедикативный объект» (что именно посвящается), является одним из обязательных элементов литературного посвящения. В качестве иллюстрации приведем «речь» на удмуртском языке с приложенным к нему переводом:

БАДЗЙМЬ ЭКСЕЙ!

Дзэць лэстэмэсь тынадь мì понна сò мында бадзймь, кудээ мì ози кызы дыштэмъ кайкъ, умъ шеттыскэ кылзэ въраны, кудынýзъ унó возматысаль сò милямъ шумъ потонэзъ. Кудызь ми пучкамъ сайкатè шудò туньнè тонь йрадь пуктэмъ веницезъ, мì Воцяхъ лудэнъ но, дынинъ но, милямъ праздникъ дырча но, церикинъ но, сюлмо вэсякому йнмиресть, кудысь тонъ пуктэзъ мì выламъ утины, сойзь шудо курдасытэмъ но мэдь мì уломъ, тонъ таза мэдь возматость улоньдуунье¹⁹.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Милости твои для нас столь велики, что мы по простоте своей не находим слов, которыми могли бы довольно выразить ту радость, которую в нас возбуждает благополучно совершившееся Твое Коронование. Мы все на полях, и в домех, и на празднествах наших, и во храмах всеусердно молим Бога, который Тебя оправдал над нами царствовать, чтобы Он к щастию нашему сохранил Тебя здрава и долголетна²⁰!

Сочинение «речей» по случаю коронации Александра I на языках нерусских народов с последующей их декламацией, вероятнее всего, входило в программу государственных мероприятий²¹. С другой стороны, не следует исключать и имевший место элемент конъюнктуры: встречая

коронованную особу, руководство духовных ведомств могло надеяться и на улучшение общего благосостояния их заведений²².

Произведение выдержано в том же эмоциональном ключе, что и выше рассмотренные стихотворения. Автор «речи» «эксплуатирует» привычную для данного жанра и обусловленную политической программой похвальную топику: выражение народной радости, слов восторга и благодарности правителю. От имени субъекта панегирического монолога продекламированы слова благодарности за «милости» императора, изложена просьба божьей благодати и сохранения правителю «здрава и долголетна» (*тонэ таза мэдъ возматосъ улонъдунье*). Образ государя представлен как промысел божий: *вэсяскомъ иньмиресъ, кудысь тонэ пуктызъ ми выламъ утины* – молим бога, который тебя оправдал над нами царствовать²³. Описание божественного происхождения власти императора согласуется с запросами панегирического жанра.

При сравнении «речи» на удмуртском языке с приложенным к ней переводом обращает на себя внимание их смысловое тождество и тональность. Анализ текстов позволяет сделать вывод о том, что переложение не является чисто механическим воспроизведением исходника. Создается впечатление, что так называемый перевод вотятской речи, напротив, явился базой для создания удмуртского текста. К аналогичным выводам приходит и А. П. Феоктистов, сопоставляя материал на мордовском языке с переводом. «“Речь мордовская” представляет собой не что иное, как перевод готового русского текста, нарочито озаглавленного “переводом мордовской речи”», – пишет он [14: 184]. Свои выводы автор аргументирует и тем, что сочинение на мордов-

ском языке грешит «предельной буквальностью», большим количеством корректорских и других ошибок», а синтаксис почти полностью перенесен из русского варианта [14: 184]. В «речи» на удмуртском языке также прослеживаются синтаксические, пунктуационные, орфографические и иные погрешности, что было скорее нормой, чем исключением, для письменных памятников данной эпохи.

Практика проведения церемониалов, торжеств, грандиозных общественных действ, как правило, получала предметно-материальное воплощение: выпускались памятные предметы нумизматики, публиковались различные издания, изобразительные материалы, изготавливались бытовые вещи с юбилейной символикой. Выше рассмотренные сборники «Духовная церемония...», «Сочинения в прозе и стихах...», «Жертва всерадостных чувствований...» были плодом подобных практик. Гипотетически можно трактовать, что издания духовно-светского содержания XVIII – начала XIX века, в которых были объединены произведения различных авторов на определенную тему, выражали идею единения людей разного социального, профессионального, национального статуса.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что литературные памятники на удмуртском языке, созданные в последней трети XVIII – первой половине XIX века, стали отражением типичных предпочтений и доминирующих тенденций эпохи. Находясь у истоков формирования удмуртской словесности, они служили примером новаторских поисков в деле совершенствования письменно-литературных норм удмуртского языка, развития художественно-выразительных возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казанская академия в 1732 году была преобразована в семинарию, в 1797 году – вновь преобразована в академию. «Школа новокрещенских детей», по констатации Р. Р. Исхакова, была присоединена к ней с сохранением своего обособленного статуса и полиглосического контингента учащихся [5: 79].

² Из документальных источников известно, что изучение еврейского, латинского, французского, немецкого, греческого языков было одним из главных занятий студентов Казанской академии (об этом см.: История старой Казанской духовной академии, 1797–1818 г. / Сост. учитель казанской духовной семинарии А. Благовещенский. Казань: Университетская тип., 1875. С. 110–111).

³ Более подробно об этом см.: История старой Казанской духовной академии, 1797–1818 г. С. 167.

⁴ См.: Ильминский Н. Опыты переведения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань: Тип. императорского ун-та, 1883. С. 342–343; Корсаков Д. А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. Казань: Университетская тип., 1908. С. 153–154.

⁵ К. Харлампович отмечает, что «это несколько скромнее встречи Елизаветы Петровны в 1743 году с александро-невскими семинаристами, которые были облечены в красные епанчи, на головах имели венки, в руках лавровые ветви» (об этом см.: Харлампович К. Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете. Приложение. Т. XIX. Вып. 3 и 4. 1903. С. 122–123).

⁶ Сам стих написан в 1767 году.

⁷ См.: Духовная церемония, производившаяся во время всевожделеннейшего присутствия Ея Императорского Величества Великой Государыни Премудрейшей Монархии и Попечительнейшей Матери Екатерины Второй в Казани, с приложенным при том словом о несравненном великолушии Августейшей Императрицы Самодержицы Всероссийской получившей благополучное от прививания оспы выздоровление. [СПб.]: При Имп. Акад. наук, 1769. С. 45.

⁸ См.: Ильминский Н. Указ. соч. 343.

⁹ Предлагаем чувашский текст в подстрочном переводе на русский язык, сделанный Н. Ильминским (см.: Н. Ильминский. Указ. соч. С. 342):

Не знаем мы, какой принести дар
Тебе, прекрасная Царица всех нас Мати,
За любовь твою к нам. Мы не знали доселе
Бога, Который на небесах. Узнавши же очень хорошо,

Дать за это – у нас нет ничего, душа только:
Да будет же она сама в дар тебе.

¹⁰ Исследователь Н. А. Федосеева предлагает современное прочтение марийского четверостишия в подстрочном переводе: «Ты нас нашла как заблудшего человека, ты нас обучаешь как своего сына, ты не оставила нас одних, мы учимся, пусть за это Бог даст тебе здоровья» [12: 102].

¹¹ Предлагаем перевод мордовского текста, сделанный Н. Ильминским: «Все мы каждый день (эрдчисте – эръксъ чистэ) прославляем (вернее – инатанокъ, а кшнасынекъ – шнасынекъ значит: прославим) самого Бога и вас Царицу: Он наш хранитель <...>, а вы Государыня, очень добры. Вы стремитесь всех нас сделать умными, – все мы бы перед Богом хорошо жили бы и были бы всегда счастливы <...>» (см.: Н. Ильминский. Указ. соч. С. 343). А. П. Феоктистов рекомендует следующий перевод эрзя-мордовского текста на русском языке: «Все мы ежедневно восхваляем всей душой самого бога и вас, царицу. Он (?) будучи для нас священным), вы, царица, очень добры. Вы печетесь (букв. вопите) всех нас умными сделать. Чтобы все мы перед богом хорошо жили бы и всегда счастливыми могли бы быть» [14: 176].

¹² См.: Н. Ильминский. Указ. соч. С. 343.

¹³ См.: Корсаков Д. А. Указ. соч. 103.

¹⁴ См.: Сироткин М. Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары: Гос. изд-во Чуваш. АССР, 1948. С. 10.

¹⁵ Духовная церемония, производившаяся во время всевожделеннейшего присутствия Ея Императорского Величества Великой Государыни Премудрейшей Монархии и Попечительнейшей Матери Екатерины Второй в Казани, с приложенным при том словом о несравненном великолодии Августейшей Императрицы Самодержицы Всероссийской получившей благополучное от прививания оспы выздоровление. [СПб.]: При Имп. Акад. наук, 1769. С. 49.

¹⁶ «Сочинения в прозе и стихах...» были переизданы в 1908 году Д. А. Корсаковым в «Сборнике материалов по истории Казанского края в XVIII веке» по рукописному экземпляру, приложенному в свое время к письму Казанского митрополита Вениамина князю А. А. Вяземскому, с добавлением вариантов из печатного издания 1782 года и некоего другого рукописного экземпляра из библиотеки П. Ф. Симсона в Ржеве.

¹⁷ См.: Корсаков Д. А. Указ. соч. С. 153–154. В данной книге предложен следующий перевод стихотворения без разбивки на строфы: «С настоящим нашим торжеством едва может другая каковая либо радость сравниться. Ибо Всемилостивейшая наша Монархия к восстановлению общего блага, к прекращению же всякого зла учреждает премудрые законы. Из сего почерпая необычайную радость просим небесных стран Владыку, дабы сих Монархии нашей спасительных указаний исполнение соответствовало Ее божественным начинаниям» (С. 154). Для сравнения предлагаем подстрочный перевод стихотворения, выполненный Т. И. Тепляшиной:

Едва ли можно найти (букв. не нахожу) такое важное торжество (букв. добро изливающее настроение)
Чем это новое ликование,
Во время которого всё уважение мы выражаем.
Божеские дела нашей государыни восхваляем,
Осуществляющей (букв. указывающей нам) нами справедливое руководство,
Уберегшей (букв. предупредившей) всех людей от несчастья,
За которое мы, испытывая такую радость,
Молимся усердно богу,
Чтобы он, теперь от нее государыни исходящее дело укрепив,
Ради нас это дело направил на добро [11: 228].

¹⁸ Харлампович К. Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете. Приложение. Т. XIX. Вып. 3 и 4. 1903. С. 127.

¹⁹ Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству, всепресветлейшему и всемилостивейшему величайшему государю императору и самодержцу всероссийскому Александру Первому, во всевожделеннейший день торжественного венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской Академии 1801 года сентября дня. Москва: Университетская тип., у Христофора Клаудия. 1801. С. 33.

²⁰ Указ. соч. С. 33.

²¹ К. Д. Бугров приводит подборку панегириков, сопровождавших восшествие Александра I на престол в 1801 году и посвященных первым годам его царствования: тексты П. И. Берга («Ода его императорскому величеству Александру Первому, самодержцу всероссийскому, на случай новоизданных всевысочайших милостивых манифестов», 1801), Н. М. Карапзина («На торжественное коронование его императорского величества Александра I, самодержца всероссийского», 1801), С. Н. Ливотова («Речь на вожделеннейшее прибытие благочестивейшего государя императора Александра Павловича из Москвы в Санкт-Петербург, говоренная его императорскому величеству в Придворном Соборе», 1801), Н. М. Микулина («Ода его императорскому величеству Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на прибытие его в столичный град Москву 1801 года», 1801), М. И. Невзорова («Ода на всерадостнейший день коронации всемилостивейшего государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского», 1802) и Н. Г. Щеголова («Поздравительная песнь его императорскому величеству Александру Первому во всерадостный день священного миропомазания и коронования», 1801) [2: 232–233].

²² К примеру, Александр I в 1807 году «повелел удвоить отпускаемую на содержание духовных училищ сумму» (об этом см.: История старой Казанской духовной академии, 1797–1818 г. / Сост. учитель казанской духовной семинарии А. Благовещенский. Казань: Университетская тип., 1875. С. 24).

²³ См.: Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству, всепресветлейшему и всемилостивейшему величайшему государю императору и самодержцу всероссийскому Александру Первому, во всевожделеннейший день торжественного венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской Академии 1801 года сентября дня. Москва: Университетская тип., у Христофора Клаудия. 1801. С. 33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Б а л а ш а й . Венгерский язык / Пер. с венг. О. В. Громова, И. В. Салимона и Ю. И. Шишмонина; Ред., предисл. и примеч. К. Е. Майтинской. М.: Изд-во иностр. лит., 1951. 375 с.
- Б у г р о в К. Д. «Счастья общего творец»: панегирики первых лет царствования Александра I и политическая традиция российского монархизма // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практич. конф., Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. С. 231–237.
- В а н ю ш е в В. М. Пуцек-Григорович, Екатерина Вторая и первые стихотворные публикации на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 1. С. 32–39.

4. Дёмин В. И. Первые письменные памятники народов Поволжского региона // Регионология. 2015. Вып. № 1 (90). С. 181–187.
5. Домошко П. История удмуртской литературы / Пер. с венг. В. Васович. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.
6. Ишаков Р. Р. Развитие конфессионального образования крещеных татар в XVIII в. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3. С. 78–82.
7. Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slovène = Словъне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 4. № 2. С. 36–71.
8. Комиссаров Г. И. Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Проблемы письменности и культуры: Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 85–104.
9. Матичак Ш. Истоки мордовской письменности // Финно-угорский мир. 2015. № 1. С. 24–35.
10. Родионов В. Г. Чувашская литература XVIII – XIX вв.: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. 172 с.
11. Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкоzn.; Отв. ред. В. И. Лыткин. Вып. 1. М., 1965. 324 с.
12. Федосеева Н. А. К вопросу об истории перевода молитвы «Отче наш» на марийский язык // Христианское проповедование и русская культура: Доклады и сообщения X научно-богословской конф., 24–25 мая 2007 г. Йошкар-Ола, 2007. С. 138–143.
13. Федотова Е. В. Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII–XIX вв. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2006. 144 с.
14. Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. 392 с.
15. Чураков В. С. Памятники письменности удмуртского языка начала XIX в. (речь по случаю коронации Александра I (1801) и удмуртская грамматика З. Г. Кротова (1816)) // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовсприятия: Сб. статей. Ижевск, 2016. С. 373–378.

Kamitova A. V., Federal State Budgetary Institution of Science “Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (Izhevsk, Russian Federation)

THE FIRST LITERARY MONUMENTS IN THE UDMURT LANGUAGE

The article deals with the first literary monuments in the Udmurt language in the context of the single Russian spiritual space and state events. The literary works in focus were created during the reign of Catherine II, Paul I and Alexander I. Chronologically, appearance of these works refers to the last third of the XVIII – first half of the XIX century. The purpose of the study is to compile an objective view of the initial stages of the Udmurt literature development. The research also aims to determine the role of the literary monuments in this process and to describe the “procedure” of the people’s national identity development. Fulfillment of the following tasks contributes to the achievement of the above mentioned goals: the use of contrastive-comparative analysis of poetic and prose works of panegyric content in the Udmurt language with the similar texts written in the languages of the Volga peoples; identification of the methods used by the Udmurt authors in poetics. The significance of this work lies in the research of the little-studied texts of the last third of the XVIII – first half of the XIX centuries. Literary works composed by students of Kazan New School and Spiritual Academy are considered in the context of all-Russian historical and cultural processes. The small texts in the Udmurt language are regarded as a “launching point” in the improvement of the emerging written and literary norms of the Udmurt language. They are also approached as a necessary “foundation” for subsequent literary experiments.

Key words: literary monument, Udmurt language, literary dedications, genre, Russian literature, translation

REFERENCES

1. Balashsha Y. Hungarian. Moscow, 1951. 375 p. (In Russ.)
2. Bugrov K. D. “Happiness of the common creator”: the panegyrics of the first years of the reign of Alexander I and the political tradition of Russian monarchism. *Document. Archive. History. Modernity: Materials of the VI International Conference*. Yekaterinburg, 2016. P. 231–237. (In Russ.)
3. Vanyushhev V. M. Puzeck-Grigorovich, Catherine II and the first poetic publications in the Udmurt language. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij*. 2010. Issue 1. P. 32–39. (In Russ.)
4. Djomin V. I. The first written monuments of the peoples of the Volga region. *Regionologiya*. 2015. Issue 1 (90). P. 181–187. (In Russ.)
5. Domoshko P. History of Udmurt Literature. Izhevsk, 1993. 448 p. (In Russ.)
6. Ishakov R. R. Development of the confessional education of baptized Tatars in the XVIII century. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*. 2015. No 3. P. 78–82.
7. Kleyn I. Praise to the master: Panegyric poetry and Russian absolutism. *Slovene. International Journal of Slavic Studies*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 36–71. (In Russ.)
8. Komissarov G. I. Writing in the Chuvash language in the 18th century. *The problems of writing and culture: Digest of articles*. Cheboksary, 1992. P. 85–104. (In Russ.)
9. Matichak Sh. Origins of Mordvinian writing. *Finno-ugorskiy mir*. 2015. No 1. P. 24–35.
10. Rodionov V. G. Chuvash literature of the XVIII–XIX centuries: Textbook. Cheboksary, 1999. 172 p. (In Russ.)
11. Teplyashina T. I. Monuments of the Udmurt writing of the XVIII century. Issue 1. Moscow, 1965. 324 p.
12. Fedoseeva N. A. On the history of translation of the prayer “Our Father” into the Mari language. *Christian Education and Russian Culture: Reports of the 10th Scientific and Theological Conference*. Yoshkar-Ola, 2007. P. 138–143. (In Russ.)
13. Fedotova E. V. Origins and formation of genres of Chuvash literature of the XVIII–XIX centuries. Cheboksary, 2006. 144 p. (In Russ.)
14. Feoktistov A. P. Essays on the history of the formation of Mordovian written and literary languages. Saransk, 2008. 392 p. (In Russ.)
15. Churakov V. S. Monuments of the Udmurt language at the beginning of the XIX century (speech on the occasion of the coronation of Alexander I (1801) and Udmurt grammar Z. G. Krotov (1816)). *Polyethnic world of Eurasia: problems of mutual perception: Digest of articles*. Izhevsk, 2016. P. 373–378. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.10.2017